

Отзыв официального оппонента на диссертацию Шестовских Натальи Александровны «Проблема оправдания собственности в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.)», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальностям 5.7.2 – История философии; 5.7.9 – Философия религии и религиоведение

Во все времена проблемы собственности волновали и будоражили сознание людей (и философы – не исключение). Диссертация Н. А. Шестовских дает достаточно репрезентативный обзор основных тенденций понимания собственности в европейской и русской мысли от античности до середины XX в. (от истоков греческой софии до Ивана Ильина). Сразу скажем, что мы считаем цели данной диссертации выполненными. Нижеследующие размышления и соображения следует воспринимать в сугубо конструктивном ключе.

Автор высказывает абсолютно справедливое положение: «История русской философской мысли является органической частью мировой истории философии» (с. 55). О, если бы все – даже в столицах – понимали этот постулат и соглашались с ним! К несчастью, подчас историю русской философии приходится защищать от некоторых историков неолиберальной формации... Уже по одному этому – по показу важности русской философской традиции – работа Шестовских заслуживает похвалы.

Диссертант демонстрирует широкий историографический кругозор, ссылаясь на труды Д. Брэдшоу и других видных ученых современности. Правда, термин «пропетология» (с. 9) нельзя назвать общепринятым, но как раз в том и заключается польза подобного рода диссертаций, что они расширяют наш категориальный аппарат, и такого рода расширение следует приветствовать. Сами же объект, предмет, цель и задачи исследования определены максимально четко. В работе применяется богатый спектр методов, среди которых и такое красивое выражение, как «интеграционное рассмотрение источников» (с. 11); хотелось бы попросить у автора некоторой конкретизации по этому поводу: что всё же имеется в виду?

Касательно пункта первого новизны исследования (с. 11, ср. с. 31, 32) следует отметить, что соотнесение платонизма с восточным христианством, а аристотелизма – с западным являет собой плод старой, позитивистской схемы XIX в., но автору простительно данное не вполне точное положение, потому что эта тема лежит заведомо на периферии ее интересов. Остальные пункты новизны не вызывают возражений.

Что касается 5 положений, выносимых на защиту, то выделим третье – «проблема собственности приобретает важное значение как элемент сотрудничества божественных и человеческих энергий» (с. 14, ср. с. 104). В этой фразе содержится ключ к потенциально могущей быть написанной докторской диссертации автора. Современные работы по византийской философии (В. М. Лурье и В. А. Баранова, Я. Зозуляка и др.) подчеркивают центральное значение категории энергии для византийского мышления и менталитета. Перед автором здесь открывается широкое поле для сопоставлений.

Можно спорить о том, что С. Н. Булгаков понимал под «софийным» преобразованием материи (может быть, логосное, сообразное с логосами?), но само выделение важности этого утверждения (в четвертом положении – с. 15) несомненно. Тут на перспективу имеет смысл обратиться к циклу работ Д. С. Бирюкова об отношении Булгакова к паламизму, только на базе сравнения с которым и можно прояснить смысл данного слова. Просили бы автора разъяснить свою позицию относительно данного смысла «софийности».

В первой главе автор рассматривает различные теории взаимодействия античного и христианского начал в европейской культуре, не упоминая, правда, основополагающих трудов С. С. Аверинцева (с. 19 сл.). Вообще, здесь бы можно было уделить внимание характеристике Византии как культурного типа – хотя бы в духе Аверинцева и «Лекций по древнерусской литературе» Н. С. Трубецкого (имеем в виду блестящее введение к этому труду). Впрочем, лично мы согласны с позицией Г. В. Флоровского, приведенной на с. 20. В целом автор справедливо расставляет акценты при трактовке этой непростой проблемы антично-христианского взаимодействия.

Неверно говорить, будто на Руси «догматика не развивалась... до XVI века» (с. 32): доказательству ее вполне благоуспешного развития посвящен увесистый том великого немецкого ученого Г. Подскальски «Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)» (СПб., 1996). Радует акцент на идеях преп. Максима Исповедника (с. 48, 49) – действительно, крупнейшего систематизатора патристики; можно было бы отметить (со ссылкой на А. И. Сидорова) включенность его идей в «Изборник Святослава 1073 г.» В целом же, считаем параграф 1.1 абсолютно оправданным в композиции и замысле работы и достаточно удачным по исполнению. Он похож на огранённый бриллиант, в блеске которого глубже уясняешь себе идеи других параграфов диссертации.

Равно неточно утверждение автора, будто догматика старообрядцев не отличается от православной (с. 70): еретическая триадология (близкая к

тритеизму) фиксируется уже у Аввакума. Но, опять же, это не находится в центре внимания диссертанта...

Богословски можно было бы придраться к уверению автора о том, что цель иночества, по Нилу Сорскому – лишь «нравственное совершенствование» (с. 57): если нравственность – лишь интенция субъективного духа, то иноки имели в виду преобразование *онтологическое*, под действием энергий Божиих (о чем пространно писал уже упомянутый Максим Исповедник). Впрочем, автор здесь заблуждается не более, чем великий русский патролог И. В. Попов: к открытию этой мысли ученые-медиевисты пришли лишь после трудов Даниэлу и Бальтазара, т. е. в 40-е гг. XX в. (тогда как Попов писал до революции). Стоит заменить «нравственное» на «онтологическое» – и описание автора окажется близким к безупречному.

Важно наблюдение о Посошкове – что он «поддерживал идею государственного, а не помещичьего крепостного права» (с. 76, ср. с. 157). Но у него же выделяется и «вера в полицейское государство» (с. 77): нет ли здесь черт модернизации? Да и, потом, регламентация относится к квинтэссенции государства как такового (см. Пьер Бурдьё, «О государстве»), а не только полицейского... Однако нам кажется явственной и перспективной мысль о том, что специфика идей Посошкова во многом связана с тем, что он был свидетелем модернизации Российского государства и его перехода к новому типу социально-политической организации...

Следует принять и итоговый вывод автора по первой главе – о том, что к концу XVIII в. «завершился этап становления имущественной проблематики в отечественной философии» (с. 81, ср. с. 158). Переходим к рассмотрению второй и центральной главы – о ситуации в философии XIX–XX вв.

Вполне естественно начинать русскую философию этого реформенного периода с Фёдорова, как европейскую – с Бергсона, Brentano и Гуссерля, но также и Унамуно... Сам же Фёдоров остается фигурой загадочной. Всякая новая попытка проникнуть в содержимое этого уединенного духа может принести новые жемчужины в копилку историков философии. Не случайно о своем увлечении Чаадаевым, Бергсоном и Федоровым заявляли, к примеру, крупнейшие гуманитарные ученые – Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров; и многие другие... Важно описание принципа соборности у Федорова (с. 89 сл., 103, ср. о Франке на с. 129); очевидно, остается вопросом соотношение понимания мыслителем этого принципа с его трактовкой у Хомякова. Было бы хорошо услышать мнение автора о данном соотношении.

Удачно описываются основные интенции философии Соловьева (с. 91, 92). Определение собственности как продолжения личности в вещах (с. 96, 104, 158; ср. о Бердяеве на с. 126, о Франке на с. 135, 138) можно будет сопоставить с понятием органопроекции у Флоренского. Важен анализ раскрытия Соловьевым односторонности как марксизма, так и британской буржуазной философии собственности и капитала (с. 102).

Считаем оправданной подборку Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка и И. А. Ильина в качестве героев параграфов 2.2 и 2.3 диссертации (с. 105 сл.). Тезис об опоре булгаковской философии софийности на систему всеединства Соловьева очевиден, но всё же сам смысл понятия софийности требует тщательной экспликации (с. 105, 139, 159); в этом мы также видим залог дальнейшей научной работы диссертанта.

У нас нет замечаний по параграфу 2.2 касательно систем Бердяева и Франка. О том, что «человек преобразует вещи в продолжение своей личности» (с. 143), говорил и И. А. Ильин. Таким образом, проблема собственности предстает как одна из граней более сложной проблемы – антропоцентризма и отражения одних слоев реальности в других (в частности, деятельности человека – в природном и техногенном ландшафте). Тут можно провести сравнение с распространяющейся ныне объектно-ориентированной философией (Мейясу, Харман). Это, конечно, не замечание, а всего лишь соображение касательно текста работы.

Список литературы, составляющий 191 единицу, считаем в общем достаточно полным и репрезентативным для исследования заявленной темы.

Таким образом, диссертационное исследование Н. А. Шестовских является комплексным и завершённым научным трудом, выполненным на высоком научно-методическом уровне. Оно удовлетворяет всем требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней УрФУ. Её автор – Наталия Александровна Шестовских – заслуживает присуждения искомой ею ученой степени кандидата философских наук по специальностям 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.9 – Философия религии и религиоведение.

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин
Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского

Дмитрий Игоревич Макаров

620014 РФ, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 26
+7 343 371 21 80; E-mail: mail@uralconsv.org

17.11.2022 г.



17.11.2022
Подпись *Макаров Д.И.*
Удостоверяю: *Л.И.*